

ЧУВСТВО ДОСТОИНСТВА

Театр

В последний раз, через много лет после войны, бывшие гвардии рядовые свидятся так.

Член правительства республики предложит возникнуть в дверях его кабинета крестьянину:

— Раз вошел, садись, чего торчишь... Да не там садись, вот сюда, ближе...

— Я проехал двести семьдесят километров... — заргочится посетитель. Он всегда является сюда нехвата и всегда торгует, где именно ему сесть. Эта вечная тужба об оставшихся пяти шагах: кто первый их сделает, — совсем не пустяк. Дело не в горьке; у них в деревне это называется чувством достоинства. Друзья детства всю жизнь испытывают себя и друг друга и проходят — поочередно — такие существенные в их взаимоотношениях пять шагов — навстречу фронтовому братству.

На этот раз хозяин кабинета сухо отрежет:

— И пройдешь еще четыре метра. И ничего с тобой не случится.

Они не могут знать, что встреча-то эта роковая, и разругаются насмерть. Повод для ссоры, как всегда, непосредственно к ним отношения не имеет. На некоем мясокомбинате уток по халатности заложил живыми в барабаны для очистки перьев. Оба к этой истории одинаково не причастны. Но человек, считают они, ответствен за все живое на земле. Совесть болит от чужой вины, как от собственной, вот и выместили боль друг на друга, наговорив в сердцах непрощительно оскорбительные слова.

А потом будет финал спектакля Центрального театра Советской Армии «Святая святых», и тот, кто остался жить, скажет:

— У меня большое горе — умер старый друг... Должность его? Рядовой колхозник... Это один из тех друзей, к которому надо ехать на похороны, чтобы сохранить уважение к самому себе...

Слезы ползут под ворот рубашки, и мужчина их не прячет. А нам так же горько, как и ему.

Вот ведь как бывает. Вроде бы осознаешь: все происходит в театре, и человек, которого ты полюбил, на самом деле не умер, потому что понастоящему это — не молдавский крестьянин Кэлин, как значится в программке, а московский артист Николай Пастухов. Сейчас артист выйдет на аплодисменты, и мы вновь увидим гвардии рядового Кэлина, чья смерть только что так лично пережили вместе с его фронтовым товарищем Михаем. Все понимаешь, а тем не менее во время действия, после него душа растревожена, будто не кто-то там на сцене, а именно ты невозвратно потерял или, наоборот, наконец-то отыскал в огромном мире бесконечно необходимого человека. И долго еще потом бережешь в себе столь дорогое чувство сопричастности чему-то большому, значительному.

Такой уж получился сценический рассказ, что и впрямь: «Это было с бойцами или страной, или в сердце было в моем?»

...Мы идем по заснеженному безлюдному бульвару. Огромный город, натрудившийся за день, доверчиво притих под мирным московским небом. В такие минуты особенно остро ощущение того, что вот за эту тишину, как сказал один из героев «Святая святых», «двенадцать с лишним миллионов сынов и дочерей в Великую Отечественную войну сложили свои головы».

— Сильный спектакль, согласен, — подытоживает общую возбужденную беседу знакомый режиссер. — Только при чем тут театр? Про такие пьесы в старину говорили: положи ее на суфлерскую будку — она сама сыграет.

Не думаю, чтобы это было так. В наше время не реже, чем при Чехове, пользуясь его терминологией, театр превращается в эшафот, «где казнят драматургов». И в Москве есть три-четыре здания, украшенные славными, прекрасными именами и названиями, между тем около их подъездов ежевечерне люди предлагают прохожим билеты, купленные, видимо, в нагрузку к билетам дефицитным. В последние годы такое

нередко происходило и у Центрального театра Советской Армии. И коль скоро сегодня на его спектакль «Святая святых» стремятся попасть люди, которые в театр вообще или в данный театр ходят редко, — а только в этих случаях явление искусства становится фактом общественной жизни, — значит, повезло и драматургу. К слову сказать, именно здесь на малой сцене, где случилась сейчас интересная премьера, он и был открыт когда-то для москвичей пьесой «Касе маре»; главную роль замечательно играла тогда Лисбьов Добжанская.

В своих произведениях Ион Друцэ ведет год от года углубляющееся художественное исследование своих истоков — биографии породившей его земли, среди которых прошли его детство и юность. В новой пьесе его самобытная поэтика как бы пустила в богатую национальную почву еще более мощные и разветвленные корни.

После спектакля «Святая святых» Молдавия становится твоей, обжитой, даже если ты там никогда и не бывал. Чудится, окажись в тех краях, где жил Кэлин, — найдешь без труда и родную его деревеньку, и домишко, и даже полянку высоко в горах — последнюю полянку в его жизни. Такова вся плоть спектакля, сотканная из поэтических красок и звуков молдавской земли (художник Э. Кочергин, композитор Е. Дога).

Однако что же это все-таки за человек, необходимый всем нам, чтобы сохранить уважение к самому себе? Крестьянин, завершающий жизнь пастухом маленькой колхозной отары?

Когда случился послевоенный неуражай и надвинулся голод, Кэлин, рядовой из рядовых колхозник, потопал пешком в районный центр, к другу, уже тогда занявшему руководящий пост. «Сам-то я выкручивался как-то, но я деревню накатывала великая печаль. А это было неправильно, политически неправильно». По какому вопросу? — спрашивают его в приемной. «По личному, — гордо рапортует бывший солдат и добавляет. — Но он же может оказаться го-

сударственным. Все зависит от того, кто стоит передо мной». И вопрос неизменно оказывался государственным, ибо до последней своей черты собеседники — крестьянин Кэлин и крупный руководитель Михай — оставались государственным людям. Социальная активность есть форма существования обоих героев, независимо от перевалов возраста и служебных передвижений. В этом гражданская зоркость и художественная свежесть пьесы и спектакля, поставленного Ионом Унгуряну с точным пониманием богатого авторского замысла.

В ходе событий жизни и дружбы двух односельчан, в самой логике их характеров отражается глубинное течение нашей советской жизни. Рассказ о людях, чье детство укоротила война, а последующая биография припала на такие немирные мирные годы — с недосыпанием, недоеданием, с трудом сверх человеческих сил, — становится на сцене страницей народной жизни.

Не будучи знакомым с Ионом Унгуряну, почему-то представляешь его себе лириком и романтиком. Интонация режиссуры такова, что карпатские речка и ива, о которых говорится в пьесе и каковых на сцене в самом деле нет, присутствуют в спектакле и присутствуют не в качестве деталей пейзажа, а в философском значении, как русло и древо жизни героев. По велению автора в действии словно бы «участвуют и лошади, коровы, овцы и другие представители большого бессловесного мира, прирученные некогда человеком и сопущающие ему в его долгой и трудной истории». Поэзия литературного текста превратилась в собственно театральную поэзию, что относится не только к режиссуре, к живописи и музыке спектакля, но и к манере исполнителей. Больше того: именно эта высокая романтическая нота убергает сценическое повествование от натурализма в тех местах пьесы, где драматург с излишними подробностями рассказывает о жестокостях, проявленных равнодушными людьми по отношению к животным.

Николай Пастухов играет с

такой предельной самоотдачей, будто вся его жизнь была ожиданием этой роли и подготовкой к ней. Артист словно нашел не только свою заветную роль, но в жизни, в строе мыслей своего героя — собственное мерло человеческих ценностей. Игорь Ледогоров — он играет члена правительства Михая — поистине достойный партнер. Нам не дано наблюдать Михая в работе, однако артисту веришь: и в службе этот красивый и мужественный человек также крупен, как и в дружбе. Думается, что постановщиком не вполне найдено решение образа Марии, которую всю жизнь любят оба друга. Наверное, пьеса предполагает более сложные и богатые взаимоотношения этих троих людей.

...Какие сейчас могут быть подвиги? Они остались там, на той далекой гражданской, на Великой Отечественной. Так ведь думают порой не только четырнадцатилетние.

Но, оказывается, понятие подвига сложнее. Чтобы жить достойно памяти тех двадцати с лишним миллионов, полчас достаточно совершить самый обыкновенный поступок:

пешком потопать в районный центр, когда тебе лично ничего не нужно и вообще это — забота других;

сорваться с экзаменов, пусть даже от них зависит все твое будущее, и отправиться из столицы в деревню, если друг в беде, если где-то восторжествовала временная неправота.

Важно, как любит говорить Кэлин, верить, что «свои все равно придут», и не сидеть в ожидании, сложа руки, а бороться с любой бедой, несправедливостью. Ибо для гвардейца, считает он, важно, не сколько ты прожил, а как ты прожил.

Только бы не научиться воспринимать мир, как бюро обслуживания твоей собственной персоны. Только бы не уверовать, что кто-то обязан взвалить на свои плечи больше обязанностей, чем ты. Только бы не разделять радости и горести на «свои» и «чужие»...

Только бы всегда знать, что интересы общего дела — наша святая святых.

Г. КОЖУХОВА

Истина, 1977, 12 марта, № 71